

Среди ночи ледяной ветер, словно клинок, полоснул Се Линя по ушам.

Он резко открыл глаза — не от страшного сна, а от резкой боли в подушечках пальцев. Свиток в черном шелке неизвестно когда сам собой развернулся и лежал рядом с его изголовьем. Лунный свет пробился сквозь оконную решетку, освещая три свеженаписанных кровавых иероглифа. Они были настолько темными, что казались черными, напоминая сгусток души, только что исторгнутый из горла.

— Императрица проглотила золото, увидев твое имя.

Се Линь устался на эти слова, из его горла вырвался смешок, сухой и скрипучий, как трение наждачной бумаги. Он протянул руку, чтобы коснуться их, и кровавые иероглифы слегка задрожали, словно живое, дышащее существо. Он резко отдернул руку, но ногти уже окрасились в красный цвет — то была не кровь, а тушь, густая, как сироп, источающая тошнотворный запах смеси ржавчины и агарового дерева.

Он помнил эту тушь.

В прошлой жизни он переписывал «Историю гибели Великой династии Инь» тушью из сосновой сажи, сжигая на написание каждой строки по лампаде, выплевывая каждый иероглиф со стиснутыми зубами. Тушь эту он вываривал целых семьдесят девять дней, обмакивая сломанный палец в кровь из собственного сердца и смешивая ее с соком мха со дна колодца в Холодных покоях, — исключительно для того, чтобы запечатлеть историю, которую «не следовало писать».

Он безумно рассмеялся, и его смех отразился эхом от стен пустой тайной сокарни, спугнув медные колокольчики на углах карниза.

— Оказывается... — Его голос звучал хрипло, но каждое слово падало, как гвоздь, — написанные мной слова могут убивать.

На следующее утро из Дворца Фэн'и донеслись испуганные крики.

Императрица скончалась внезапной смертью: ее лицо посинело, в уголках губ запеклись золотые крупички, а десять пальцев скрючились, как когти, словно перед смертью она отчаянно пыталась за что-то ухватиться. Придворные лекари были бессильны, императорские врачи опустили на колени, вымаливая прощения. Но когда евнухи открыли ее личный парчовый мешочек, внутри него тихо лежала предсмертная записка с еще не высохшими чернилами, и каждое слово в ней разило, как нож:

— Се Линь связан с нечистью.

Придворные взвыли.

Пепел от семидесяти трех докладов еще не остыл, а императорский стол уже был усыпан новыми кровавыми посланиями. Кто-то бился лбом о пол до трещин, заливаясь кровью; кто-то вопил, что явилось исчадие зла и небесная кара уже близко; а один из цензоров прямо на месте разорвал на себе одежды и принес кровавую клятву, пообещав отдать жизнь в обмен на голову Се Линя: «Если не казнить этого негодяя, у страны не останется истории, а в Поднебесной не будет больше справедливости!»

Цэнь Чжао восседал на возвышении перед тронным залом. Его темно-синие парадные одежды лежали идеально ровно, а подол рукавов украшали темные, словно чернильные, облачные узоры. Он не стал читать доклады, не разгневался и не стал бранить подданных — лишь легко взмахнул рукой, приказав запечатать дворец, перекрыть все входы и выходы и велел врачам, судебным медэкспертам и Управлению астрономии совместно провести осмотр тела.

Он лично подошел ближе.

Тело императрицы уже остыло, но под ногтями обнаружилась тончайшая чернильная нить — угольно-черная и блестящая, похожая на высушенную на ветру жилу дракона. Цэнь Чжао подцепил ее серебряным пинцетом и поднес к пламени свечи: нить не загорелась, а напротив, заискрилась призрачным синим светом.

Его зрачки слегка сузились.

— Сосновая сажа, — прошептал он, и голос его звучал так тихо, что расслышать его мог только он сам. — Изготовлена зимой девятнадцатого года Тяньци, по секретному рецепту рода Се, с добавлением агарового дерева, киновари и... человеческой крови.

Он закрыл глаза, и та нить туши на кончиках его пальцев словно перенесла его в тот дождливый вечер десять лет назад — Се Линь стоял на коленях на площади для казней, с окровавленным обрубок пальца, но улыбался так мягко: «Цэнь Чжао, если я умру, в этой Поднебесной больше не найдется никого, кто осмелился бы записать правду. Живи за меня, пиши за меня».

Он открыл глаза и велел принести единственный уцелевший экземпляр «Летописи императорского рода Великого Инь» — тот самый потрепанный том, который он прятал десять лет и никому не показывал.

Страницы пожелтели, края обуглились, словно их лизнул огонь. Он перелистнул на последнюю страницу, и на оторванном уголке бумаги чернели свежие, еще не высохшие чернила:

— Если Цэнь Чжао умрет, я обращу кровь в тушь и опишу всю вашу лживую историю.

Руки Цэнь Чжао впервые задрожали.

Он помнил эти слова.

Он помнил эту фразу.

Это были последние слова, которые Се Линь перед смертью, истекая кровью, выгрыз кончиком языка и, обмакивая язык в кровь, черта за чертой вывел на собственном сердце. Он должен был воочию видеть, как эти кровавые слова сожрет огонь, но он... проглотил Пиллюлю Забытой Души.

Эта пиллюля была тайным лекарством Императорской врачебной палаты: принявший ее погружался в мнимую смерть на семь дней, его душа покидала тело, а память полностью стиралась, оставляя лишь зачатки одержимости, способные привести к перерождению.

Он проглотил ее лишь для того, чтобы помешать Се Линю покончить с собой. Он не мог допустить, чтобы тот умер на плахе, не мог позволить, чтобы его кровь стала подношением для императорского алтаря. Он хотел, чтобы Се Линь жил — даже безумный, даже презираемый всем миром, даже... запертый им самим в тайной сокровищнице.

Но теперь это проклятие выползло прямо из свитка.

Кровавые слова были вовсе не проклятием — это душа Се Линя ждала, пока он ее узнает.

Цэнь Чжао медленно закрыл книгу, спрятал нить туши в рукав, повернулся и привел Се Линя во Дворец Фэнъи.

Когда Се Линя привели под стражей, босого, в легких одеждах, с незажившими следами крови на запястьях, он улыбался беззаботнее всех на свете. Едва бросив взгляд на бездыханное тело, он медленно шагнул вперед, наклонился и кончиками пальцев легко коснулся ледяной щеки императрицы.

— Перед смертью она, должно быть, очень боялась, — тихо произнес он. — Поскольку ты боишься меня, она тоже боялась меня.

Цэнь Чжао стоял позади него, его голос звучал хрипло и глухо:

— Слова, что ты пишешь, — не проклятие.

Се Линь обернулся, и в его глазах вспыхнули искры:

— А что же это?

— Это зов о помощи. — Цэнь Чжао шагнул ближе, и нить туши в его рукаве тихонько соскользнула в ладонь. — Ты не убиваешь людей, ты... пробуждаешь меня.

Се Линь замер.

Он вдруг вспомнил, как прошлой ночью во сне кто-то накинул ему на плечи лисью шубу, а запах агарового дерева — его самый любимый из прошлой жизни — был присущ только Цэнь Чжао.

Он пробормотал:

— Ты... помнишь?

Цэнь Чжао ничего не ответил, лишь поднял руки и прижал его к груди так бережно, словно боялся разбить хрупкую вещь.

— Я помню каждый штрих, что ты написал, — припав к уху Се Линя, проговорил он голосом, похожим на шелест ветра по сухим ветвям. — То, что ты пишешь, — не история, а правда. То, что ты пишешь, — не заклинание, а путь.

Се Линь всем телом задрожал, его кадык судорожно дернулся, но он не мог вымолвить ни слова.

Он вдруг вспомнил ту ночь, когда переписывал свиток и его почерк постепенно сливался с почерком Цэнь Чжао — оказывается, вовсе не он сошел с ума, это Цэнь Чжао писал за него, жил за него, держал на своих плечах... эту Поднебесную, ожидая его возвращения.

— Ты проглотил Пилюлю Забытой Души, — наконец выдавил из себя Се Линь, и голос его дрожал и ломался. — Ты обманул меня, ты умер.

— Я не умер, — тихо усмехнулся Цэнь Чжао. — Я просто... не смел позволить тебе помнить.

Он разжал руки, достал из пазухи пожелтевший бумажный свиток и медленно развернул его.

Это были уцелевшие страницы «Истории гибели Великой династии Инь», каждая из которых была забрызгана засохшей кровью, а подпись везде гласила: «С уважением записал Цэнь Чжао, навеки прервано в двадцать третий год Тяньци».

— Я переписал каждый иероглиф, написанный тобой, — произнес Цэнь Чжао, — и сжег каждый свиток, созданный тобою, лишь потому, что знал: если ты будешь в здравом уме, этот мир не примет тебя; только обезумев, ты сможешь выжить.

Се Линь уставился на эти кровавые письма, и слезы беззвучно покатались из его глаз, падая на бумагу и медленно смешиваясь с засохшими пятнами крови.

Он вдруг рассмеялся — заливаясь слезами, смеясь как ребенок.

— Ты безумец, — всхлипнул он. — Ты безумнее меня.

Цэнь Чжао поднял руку и стер с его лица слезы; его пальцы были теплыми.

— Да, — тихо ответил он. — Но если бы я не сошел с ума, кто бы помнил вместо тебя, что в этой Поднебесной жил безумец, который ценой собственной жизни записал правду?

За пределами дворца поднялся ветер.

Нить туши выпорхнула из рукава Цэнь Чжао и, словно блуждающий дух или возвращающийся домой гусь, медленно взмыла ввысь, прямо в воздухе складываясь в иероглиф Се, и долго не растворялась.

Се Линь запрокинул голову, глядя на этот чернильный знак, затем резко протянул руку, оторвал кусок от свитка, запихнул его в рот, тщательно разжевал и проглотил.

Кровь выступила у него в уголках губ.

— А теперь, — он ухмыльнулся, и белые зубы обагрились кровью, — настала моя очередь писать о тебе.

Цэнь Чжао молча смотрел на него, и в его глазах не осталось ни капли холода — лишь одна нежность.

Он тихо проговорил:

— Пиши. Я буду растирать для тебя тушь.

Ветер пронесся вдоль дворцовых стен, взметая целые ковры опавших листьев, которые складывались в два слова:

«Се Линь».

А на свитке уже медленно проступали новые кровавые письма:

«Пока жив Цэнь Чжао, я не остановлюсь».

<http://bllate.org/book/19340/1891104>